

Сборник рассказов

Книга 4

Диана Маргиева

Диана Маргиева

Сборник рассказов. Книга 4

<https://litres.ru/72506521>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четвертый в серии Сборник небольших фэнтези и мистических рассказов. Ведьмы, демоны, ангелы и призраки... Юмористические рассказы, триллеры и романтические истории - здесь найдутся истории на любой вкус.

Содержание

Личный круг Ада	4
Кот Суетолог	15
Наследие	20
Похищение	28
Как Турки ведьму выселяли	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Диана Маргиева

Сборник рассказов. Книга 4

Личный круг Ада

Вадим проснулся от настойчивого, но до боли знакомого звонка будильника. 6:30 утра.

Солнечный луч пробивался сквозь щель в шторах, золотя пылинки в воздухе. За окном пели птицы – их щебет был чересчур жизнерадостным, почти издевательским. Он протянул руку, чтобы выключить раздражающий звук, и его пальцы наткнулись на что-то тёплое и мягкое. Лена. Его жена. Она мирно спала рядом, её русые волосы разметались по подушке.

Вдохнув глубоко, Вадим почувствовал привычную тяжесть в груди. Это было не просто утреннее похмелье или усталость. Это было предчувствие. Зловещее, всепоглощающее знание того, что этот день, каждый его миг, был предопределён.

Он знал, что будет дальше.

Знал, потому что проживал это уже... Сколько раз? Сотни? Тысячи? Он давно сбился со счёта.

Когда точно это началось он не знал. Год, месяц, неделя

или вчера? Время здесь было изменчивой, издевательской субстанцией. Он просыпался, переживал один и тот же ужасный день, и затем, в момент абсолютного кошмара, всё обрывалось, чтобы начаться снова с тем же звонком будильника.

Он был уверен, что это петля времени. Его личная, мучительная, безжалостная петля.

Вадим поднялся. Его тело реагировало на действия с отработанной, пугающей автоматикой. Душ, кофе, тост с джемом. На кухне уже хлопотала Лена, напевая какую-то незамысловатую мелодию. Её улыбка была такой же тёплой, как и всегда, её глаза – такими же любящими.

— Доброе утро, соня, задержался ты вчера с друзьями – сказала она, поворачиваясь к нему. – Настя уже проснулась и ждёт тебя на завтрак.

Настя. Его маленькая Настя. С её сияющими, любопытными глазами и копной непослушных каштановых волос. Она сидела за столом, усердно ковыряя ложкой в своей каше.

— Папа! – воскликнула она, заведя его. Её голос был чистым, звонким колокольчиком.

Вадим улыбнулся, но улыбка не достигла его глаз. Он знал, что через несколько часов этот голос замолкнет навсегда. И глаза потухнут.

Он сел за стол. Они говорили о планах на выходные, о школьных успехах Насти, о пустяках.

Вадим слушал, кивал, отвечал. Но его разум лихорадочно работал.

«Сегодня я не позволю этому случиться».

Он перепробовал всё.

В первый раз, когда он осознал, что застрял в петле, он просто пытался избежать поездки. Но что-то всегда мешало. Если машина не заводилась, приходилось брать такси. То внезапно звонил начальник с «экстренным поручением». То Лена настаивала на поездке, ссылаясь на давно обещанный пикник. Каждая попытка свернуть с пути приводила лишь к тому, что события, так или иначе, возвращались на свою колею.

Он пытался предупредить их.

— Нам нельзя ехать сегодня! Я чувствую, что что-то случится!

Но Лена лишь смеялась, думая, что он шутит. Настя хныкала, требуя обещанную поездку. Слова застревали у него в горле, казались нелепыми, необидительными.

Он пытался саботировать машину, но она чудесным образом чинилась к моменту выезда. Он пытался убедить Лену поехать одной, но она отказывалась, говоря, что им нужно провести время вместе.

Сегодня он попробует по-другому.

Он будет внимательным.

Он будет контролировать каждую секунду.

Они выехали. Солнце стояло высоко, заливая дорогу ярким светом. Лена включила радио, и из динамиков полилась весёлая поп-музыка. Настя на заднем сиденье напевала

в такт, теребя свою любимую плюшевую обезьянку.

— Пап, а мы скоро доедем до озера? А там будут утки? – спросила Настя.

— Скоро доедем, милая. И утки будут, – ответил Вадим, крепко сжимая руль. Его взгляд метался от дороги к зеркалу заднего вида, к приборной панели. Он был сосредоточен как никогда.

И тут зазвонил телефон. Его рабочий телефон. Звонок, который всегда предшествовал катастрофе.

Вадим проигнорировал его. Телефон зазвонил снова. И снова. Лена взглянула на него.

— Вадим, это срочно, наверное. Ответь, вдруг что-то важное?

— Ничего не может быть важнее нас, – резко ответил Вадим, его голос прозвучал жёстче, чем он хотел.

Лена нахмурилась.

— Не будь таким. Отключи его, если не хочешь говорить.

Телефон продолжал надрываться. Это был его начальник, Артем. Человек, который не любил, когда ему не отвечают.

Вадим почувствовал, как внутри него закипает раздражение. Он так устал от этой петли, от этого дня, от этого звонка. Он был на грани.

— Ладно! – рявкнул он, хватая телефон. Он провёл пальцем по экрану, поднося его к уху.

— Да, Артем, что тебе нужно?! – его голос был полон скрытого гнева.

На другом конце провода Артем начал что-то говорить, его голос был резким и требовательным. Вадим, пытаясь сосредоточиться на дороге и одновременно слушать, почувствовал, как его внимание рассеивается. Он отвлёкся всего на секунду. Всего на долю секунды. Но и этого было достаточно.

В этот момент из-за поворота вылетел грузовик. Он был слишком быстрым, слишком большим. Вадим увидел его, но было уже поздно. Он попытался вывернуть руль, но его реакция была замедленной, мысли – затуманенными похмельем, раздражением и телефонным разговором.

Удар. Оглушительный скрежет металла. Звон разбитого стекла. Крик Лены. Последний, душераздирающий писк Насти.

Машина завертелась. Вадим почувствовал, как его тело швыряет, как острый осколок вонзается в плечо. Мир перевернулся. Темнота.

А потом... звонок будильника.

Пробуждение. 6:30 утра. Солнечный луч. Пение птиц. Лена рядом.

Вадим вскочил с кровати.

— Я не могу! Я не хочу этого больше! – прошептал он, хватаясь за голову.

Он пытался рассказать Лене всё. О петле, о смерти, о том, что они обречены. Она слушала, её глаза наполнялись тревогой, но затем она, лишь прижимаясь к нему, шептала.

— Милый, тебе приснился кошмар. Всё хорошо.

Он пытался сбежать из дома, но невидимая сила притягивала его обратно. Он пытался сломать телефон, но он всегда оказывался целым и заряженным к моменту выезда.

Отчаяние росло. Он начал замечать странности. Не только в своём дне, но и в окружающем мире.

Люди на улице повторяли одни и те же движения, одни и те же фразы. Продавец в магазине всегда говорил одну и ту же шутку. Облака на небе всегда были в одной и той же форме. Мир вокруг него был декорацией, идеально воспроизведённой, но лишённой жизни.

Однажды он попытался покончить с собой, чтобы разорвать круг. Он выпрыгнул из окна. Боль была реальной, падение – стремительным.

А потом... звонок будильника.

И снова... 6:30 утра.

Он не мог умереть.

Он не мог сбежать.

Его рассудок медленно, но верно ломался. Он стал агрессивным, кричал на Лену, на Настю. Пытался заставить их понять, но они лишь смотрели на него с непониманием и страхом. Их лица, их голоса – они были такими живыми, такими настоящими, но он знал, что они были лишь эхом, иллюзией.

Он начал искать ответы в оккультной литературе, в древних гримуарах, что находил в старых библиотеках. Которые, всегда оказывались на тех же местах, с теми же пыльными

книгами. Он читал о проклятиях, о вечном возвращении, о душах, запертых в Чистилище. Ничто не давало ему ответ.

Он стал видеть тени на периферии зрения, слышать шёпот, который, казалось, исходил из самых глубин его отчаяния.

«Ты не можешь убежать», «Ты заслужил это», «Повторяй, повторяй, повторяй».

Каждый раз, когда он садился за руль, он чувствовал, как невидимые нити тянут его к катастрофе. Он мог бороться, сопротивляться, но в итоге всегда оказывался там, на той самой дороге, с тем самым телефоном в руке, с тем самым грузовиком, вылетающим из-за поворота.

Иногда, в редкие моменты, он пытался не отвлекаться на звонок. Он бросал телефон на пассажирское сиденье. Но тогда Лена, беспокоясь, брала его, чтобы ответить. Или он сам, в приступе необъяснимого импульса, тянулся к нему, словно по чьей-то воле. Это было не его решение. Это было его наказание.

После очередного, тысячного, или десятитысячного, круга, Вадим не стал вставать с кровати. Он лежал, глядя в потолок, его глаза были пусты. Он больше не чувствовал гнева, страха или отчаяния. Только изнеможение. Он сдался.

Будильник продолжал звенеть. Лена попыталась разбудить его, но он не реагировал. Настя кричала из кухни.

— Папа, я голодная!

Он просто лежал.

Он знал, что день всё равно продолжится.

Он знал, что он всё равно будет там, на той дороге.

И в этот момент, когда он полностью отказался от борьбы, когда его воля сломалась окончательно, тишина в комнате стала густой, осязаемой. Пение птиц за окном затихло. Солнечный луч померк.

Из ниоткуда, из самого воздуха, раздался голос. Он был негромким, но проникал в самую суть его существа, обволакивая его разум, как ледяной туман. Это был не голос, а знание, вложенное прямо в его разум.

— Ты думал, это петля времени, Вадим? Как наивно.

Вадим вздрогнул. Он не мог пошевелиться.

— Это не петля. Это твой личный Ад. Твоё искупление, которое никогда не наступит.

Холодный ужас сковал его. Это было не просто знание, это была так долго скрытая от него истина.

— Твоя гордыня, твоя эгоистичная невнимательность, твоя неспособность признать вину, даже когда она стоила жизни тем, кто был тебе дорог. Ты провёл всю ночь перед поездкой с любовницей, напиваясь до бессознательного состояния. Пришёл под утро и не отказался от поездки. Ты знал, что был раздражён и зол. Но ты не признал этого, даже когда они лежали мёртвыми. Ты обвинял дорогу, грузовик, любовницу, судьбу. Но никогда – себя.

В его сознании вспыхнули картины. Не только авария, но и другие моменты его жизни. Моменты, когда он лгал, чтобы

избежать серьёзного разговора. Моменты, когда он не обращал внимания на предупреждения. Когда его гордыня унижала и игнорировала близких людей. Моменты, когда его это стояло выше всего.

— Ты застрял здесь не из-за аварии, Вадим. Из-за того, кто ты есть. Из-за грехов, которые ты не смог искупить при жизни. И теперь ты будешь переживать это наказание вечно.

Голос стал жёстче, пронзительнее.

— Каждое утро ты будешь просыпаться в этом идеальном кошмаре. Каждое утро ты будешь видеть их живыми. Каждое утро ты будешь знать, что произойдет. И каждый раз ты будешь бессилён это изменить. Потому что это не ошибка, которую можно исправить. Это приговор.

Мир вокруг него начал меняться. Лицо Лены, которую он видел краем глаза, стало бледным, почти прозрачным. Её улыбка застыла, глаза были пустыми. Настя, всё ещё звавшая его из кухни, голос дочери звучал отдалённо, как эхо из бездны.

— Ты можешь бороться. Ты можешь кричать. Ты можешь умолять. Ничто не изменится. Ты будешь снова и снова возвращаться к моменту, когда твой эгоизм, невнимательность и гордыня разрушили всё, что ты любил. И ты будешь чувствовать это снова и снова. Вечно.

Голос стих, но его слова эхом отдавались в каждой клетке Вадима. Он был не в петле времени. Он был в Аду. Его личный Ад, созданный его собственным грехом.

Он попытался закричать, но из его горла вырвался лишь хриплый, беззвучный стон. Слёзы текли по его щекам, но они были холодными, как лёд.

Он закрыл глаза. Когда он открыл их снова, солнечный луч снова пробивался сквозь щель в шторах. Пели птицы.

Будильник настойчиво звонил.

6:30 утра.

Лена мирно спала рядом.

Вадим знал. Теперь знал. И это знание было самым страшным из всех пыток. Он поднялся, его движения были медленными, механическими. Он пошёл в душ.

Его ждал кофе.

Его ждали Лена и Настя.

И его ждала дорога.

Вечный рассвет.

Кот Суетолог

В каждом кошачьем дворе или квартире есть свой фило-

соф, свой охотник или лежебока. А в нашем был Мася.

Не то чтобы он был каким-то особенным котом – обычный, в меру пушистый, полосатый, с глазами небесного цвета. Но была у него одна отличительная черта, за которую его и прозвали соседи – Мася Суетолог.

Суетился Мася всегда. И, что самое главное, не по делу.

Его утро начиналось не с ленивого потягивания или мурлыканья под боком у хозяев.

Нет.

Мася просыпался с ощущением, что на его хрупкие кошачьи плечи возложена миссия вселенского масштаба.

Первым делом, едва открыв глаза, он срывался с места и устраивал инспекцию пищевых ресурсов. Это означало, что он с громким «Мяу!» врывается на кухню, обнюхивал миску, даже если она была полна до краев, а затем с видом глубокомыслящего эксперта начинал методично обходить её по кругу, словно проверяя на наличие невидимых диверсантов или заговоров среди сухих гранул.

— Опять Мася свой корм исследует, – флегматично замечал старый Васька с соседнего двора, наблюдая за ним с забора.

Васька был котом-философом, он предпочитал размышлять о смысле бытия, а не гоняться за пылинками.

— Да он уже час кружит, как будто там клад зарыт, – шипела ехидная Мурка, которая всегда знала, как поддеть. – Ну что, Мася нашёл? Глобальный заговор?

Именно Мурка первой и придумала ему прозвище.

Однажды Мася, застигнутый врасплох солнечным зайчиком, который скакал по стене, устроил такую погоню с подпрыгиваниями, пируэтами и боевыми переворотами, что даже голуби на крыше приостановили своё воркование. Когда зайчик исчез, Мася, тяжело дыша, гордо выпятил грудь, словно только что спас мир от лазерной угрозы.

— Ну что, Мася, суетолог? Победил? – промурлыкала Мурка, и прозвище прилипло.

Масику было всё равно.

Он был занят.

Всегда.

Если хозяева забывали закрыть шкаф, Мася тут же начинал операцию Исследование «Terra incognita» - неизведанных территорий. Он нырял туда, переворачивал всё, что мог, вытаскивал носки, разматывал клубки ниток, а затем вылезал с видом героя, только что вернувшегося из опасной экспедиции.

— Что он там опять делает? – спрашивала хозяйка, улыбаясь.

— Опять в шкафу порядок наводит, – отвечал хозяин.

Они любили его суету, она приносила в дом жизнь.

Однажды на стол случайно упал пустой рулон от туалетной бумаги. Для обычного кота это просто рулон. Для Масика Суетолога – это был древний артефакт, требующий немедленного изучения. Он гонял его по всей квартире, подкиды-

вал, ловил, рычал на него, а потом, загнав под диван, объявил его нейтрализованной угрозой. И так со всём. Листочек с дерева, залетевший в окно – агент вражеского дерева. Капля воды, упавшая с крана – протечка стратегической важности. И тут же ему нужно было расположиться в раковине, чтобы, не дай Бог, не затопило весь дом.

Особенно эпично выглядела его борьба с пылью. Когда солнечный луч проникал в комнату, освещая танцующие в воздухе пылинки, Мася впадал в боевой транс. Он начинал охоту. Прыгал, ловил лапами воздух, пытался поймать невидимые частицы, перекачивался по полу, выгибал спину, словно сражаясь с целой армией микроскопических врагов.

— Смотрите, Масик опять с пылью воюет! – хихикал маленький Рыжик, соседский котёнок, который искренне верил в важность Масиковских миссий.

— Да, Рыжик, он спасает нас от невидимого зла, – саркастически поддакивала Мурка.

Мася, конечно, не понимал их иронии. Он был слишком занят. Для него каждый день был полон опасностей и важных дел. Нужно было проверить, не изменилась ли гравитация под кроватью, не затаился ли в вазе коварный цветок, не собирается ли тапочек совершить побег.

К вечеру, когда все миссии были выполнены (по его мнению), Мася, совершенно вымотанный, падал на любимый диван. Он засыпал мгновенно, но даже во сне его лапы подергивались, а усы подрагивали, словно он продолжал свою

неутомимую суету, только уже в мире снов.

И каждое утро, просыпаясь, Масик Суетолог открывал глаза, и в них загорался огонёк новой, невероятно важной, но совершенно бесполезной миссии. Ведь мир был полон неисследованных уголков, нераскрытых тайн и, что самое главное, потенциальных пылинок, которые так и ждали своего кошачьего героя.

Наследие

Виктор был последним из рода Кариган – древней линии магов, чья сила передавалась не только по крови, но и через особый ритуал рождения.

Ритуал этот был тёмным и требовал великой жертвы.

Мать ребёнка, носителя уникальных способностей, угасала с каждым днём беременности, передавая свою жизненную силу и часть души младенцу, чтобы тот родился с необходимой мощью. К моменту родов от матери оставалась лишь пустая оболочка.

Виктор знал это.

Его мать, его бабушка – все они приняли эту участь. Такова была цена великой силы Кариганов.

Его долг, его проклятие, заключался в поиске подходящей женщины.

Не просто любой женщины, а той, чья внутренняя энергия, чья искра жизни, была бы достаточно яркой и чистой, чтобы выдержать этот ритуал и дать ребёнку максимальный потенциал.

Годы поисков в мире обычных людей, скрываясь и наблюдая. И вот, он нашёл её.

Девушку звали Ангелина. Она работала в маленькой библиотеке, любила старые книги и смеялась так искренне, что, казалось, освещала тёмные уголки помещения.

В ней не было ни следа магии в привычном понимании, но Виктор чувствовал силу – нежную, но невероятно стойкую, как родник, пробивающийся сквозь камень. Она была

идеальна.

Он вошёл в жизнь девушки медленно, осторожно. Очаровал своей загадочностью, знанием редких фактов, безграничным вниманием. Он был обходителен, умен, и в его глазах таилась какая-то древняя печаль, которая тронула её. Ангелина влюбилась – глубоко и безоглядно. Виктор играл свою роль безупречно. Он говорил о будущем, о доме, о детях. О том, как они будут счастливы. Он никогда не упоминал о последствиях.

Они поженились. Виктор привел молодую жену в свой старинный дом, полный теней и пыли веков.

Ангелине было немного не по себе в этом доме, но любовь к Виктору пересиливала лёгкое беспокойство.

Вскоре Ангелина забеременела. Виктор наблюдал за ней с двойственным чувством: предвкушением успеха своего рода и странной, неуместной нежностью к этой женщине, обречённой на гибель.

Сначала всё шло как обычно. Но через несколько месяцев Ангелина начала жаловаться на усталость. Бледнела. Виктор делал вид, что волнуется, водил её к лучшим обычным врачам, которые не находили ничего, кроме лёгкой анемии. Он знал, что это начало. Начало конца для неё и начало новой эры для его рода.

Проходили недели. Ангелина слабела на глазах. Её некогда сияющие глаза стали тусклыми, кожа – прозрачной. Она едва могла ходить. Лежала в постели, держась за округлив-

шийся живот.

— Виктор... я чувствую, будто что-то вытягивает из меня силы, – шептала она, и в голосе звучал страх. – Этот ребёнок он такой сильный.

— Это нормально, любимая, – откровенно лгал Виктор, глядя девушку по волосам. – Беременность – тяжелое испытание. Скоро всё закончится, и ты увидишь нашего чудесного малыша.

Он проводил ночи, изучая древние фолианты, готовясь к рождению. К моменту, когда её жизненная сила иссякнет полностью. Он должен был быть готов принять ребёнка, защитить его в первые, самые уязвимые часы, когда вся сила матери перейдёт к нему.

Наступили роды. Тяжёлые, мучительные. Ангелина кричала от боли, но не от физической – от боли угасания. Виктор стоял рядом, наблюдая за магическими потоками энергии, которые текли из молодой матери в ребёнка. Он чувствовал, искра жизни тускнеет, как пламя свечи на ветру.

Почти погасло. Вот и всё, – подумал он с мрачным удовлетворением. – Жертва принесена. Кариганы продолжатся.

Раздался последний крик Ангелины, и вслед за ним – первый, громкий крик новорождённого. Акушерка - обычная женщина, нанятая Виктором и не понимающая, что происходит на самом деле, кроме того, что у роженицы критическое состояние, суежилась.

Виктор подошёл к кровати, готовый принять дитя и по-

прощаться с уходящей жизнью Ангелины. Но когда он взглянул на мать своего ребёнка, его застывшее сердце дрогнуло.

Ангелина не выглядела как умирающая. Она была измождена, покрыта потом, но в её глазах... в них снова появился свет.

Не тусклый, а яркий, пронзительный. И он был направлен не на ребёнка, а на Виктора.

— Он... не забрал, — прошептала она, и в её голосе не было слабости, а лишь странная сила и знание. — Он вернул.

Виктор почувствовал холод. Не от страха, а от чего-то более глубокого — от нарушения древнего порядка. Он посмотрел на младенца, которого держала акушерка. Малыш был здоров, розовощёк, но в нём не было той переполняющей, бушующей магической энергии, которую Виктор ожидал. Её не было совсем.

Зато Виктор почувствовал что-то другое. Что-то уходило из него самого. Не сила. Что-то более фундаментальное. Его связь с древней магией, с его родом, с этим домом — она истончалась.

Он взглянул на Ангелину снова. Глаза девушки сияли всё ярче.

Она протянула руку к ребёнку, и когда их пальцы соприкоснулись, по комнате прошла волна чистой, светлой энергии. Она не была похожа на магию Кариганов. Она была светлой, исцеляющей. Живой.

— Ты думал, что моя искра жизни — это просто топливо

для твоей тьмы? – голос Ангелины окреп. – Ты ошибся, Виктор. Моя искра – это свет. А свет не может питать тьму. Он её рассеивает.

Виктор почувствовал, как силы покидают его. Не магические – их уже почти не осталось – а его собственная жизненная энергия.

Древний ритуал, нарушенный уникальной природой Ангелины и их ребёнка, обернулся против него.

Ребёнок не вытянул жизнь из матери. Он, будучи рождённым от её света, отменил сам принцип Ритуала вытягивания, нейтрализовал его, направив обратный поток.

Не к матери, а к источнику тьмы, вытягивающей магии – к Виктору, последнему, кто держался за этот тёмный дар.

— Ты... что ты такое? – прохрипел Виктор, чувствуя, как его тело слабеет, как вековая усталость накатывает на него.

Ангелина улыбнулась, и эта улыбка была полна неизведанной силы.

— Я – мать твоего ребёнка, – просто сказала она. – А он... он твой – конец.

Виктор Кариган, последний носитель древней тёмной магии, осел на пол, чувствуя, как его собственная искра жизни гаснет, вытянутая невидимой силой, порождённой его же ритуалом, светом Ангелины и их дитя.

Ангелина, живая и восстанавливающаяся на глазах, взяла на руки своего здорового, обычного на вид сына. В его глазах не было древней магии Кариганов. В них был чистый, ясный

свет, унаследованный от матери.

Она выжила. Сын был здоров.

А Виктор, последний из рода, стал жертвой собственной, неправильно найденной жертвы в лице Ангелины.

Тёмное наследие обернулось против наследника. И в доме Кариганов впервые за много веков воцарился не сумрак древней магии, а тихий, спокойный свет.

Похищение

Приглушённый гул мегаполиса едва проникал сквозь бро-

нированные стекла пентхауса в самом сердце Столицы, где обитала Анастасия Шнайдер, единственная наследница огромной финансовой империи.

Девушке двадцать пять, и её жизнь была сказкой, сотканной из роскоши, вечеринок, бриллиантов и беззаботного существования.

До этой ночи.

В клубе к Анастасии настойчиво и неприятно стал приставать парень. Она от него с трудом отделалась, ощущая неприятный осадок. Желание продолжать вечер пропало, и она собралась ехать домой.

Настя выходила из клуба с подругами, когда прохладный ночной воздух ударил в лицо, слегка рассеивая остатки эйфории от музыки и танцев.

Подруги решили остаться ещё на один коктейль, но она устала и чувствовала, что хочет поскорее оказаться дома. Попрошавшись и вызвав такси через приложение, Анастасия села на заднее сиденье и назвала адрес.

Поездка началась обычно, но вскоре девушка начала трезветь и заметила, что машина едет не по знакомому маршруту. Когда автомобиль выехал на пустую дорогу в сторону выезда из города, она спросила водителя, но в ответ слышала лишь невнятное бормотание. Тревога начала нарастать. Настя попыталась открыть дверь. Заблокирована.

— Остановите машину! - потребовала девушка, голос дрогнул.

Водитель молча ехал дальше.

В панике она достала телефон, чтобы позвонить в полицию, но водитель выхватил его и бросил на пол.

Дальше всё произошло слишком быстро, как в плохом кино. Машина резко свернула на просёлочную дорогу, затем остановилась. Двое мужчин в масках вытащили Анастасию наружу и затолкнули в фургон, который ждал неподалёку. Страх парализовал её, она не могла кричать. Последнее, что она увидела – это удаляющиеся огни города.

Вспышка боли. Темнота. Холод.

Именно так началось её новое существование.

Проснувшись она на грязном бетонном полу, в помещении, где воздух был тяжёлым от запаха сырости, металла и страха.

Руки и ноги были связаны, рот заклеен. Она попыталась кричать, но из горла вырвался лишь приглушённый стон. Сердце бешено колотилось, в голове пульсировала лишь одна мысль: «Что будет дальше?».

Тусклая лампочка на потолке безжалостно выхватывала из мрака очертания старых станков и обшарпанных стен. Это был старый заброшенный завод на окраине города – идеальное место для тех, кто не хотел, чтобы их нашли.

Над ней возвышались три тени.

Виктор – высокий, жилистый, с глазами, холодными, как сталь.

Леша – гора мышц с бычьей шеей и пустым, жестоким взглядом.

И Сергей – самый молодой, нервный, с бегающими глазами, которые постоянно отводил в сторону.

— Ну что, принцесса, проснулась? – голос Виктора был ровным, безэмоциональным. Он держал в руке старый мобильный телефон. - Твой папочка уже знает, что ты у нас. И он готов платить. Очень много.

Анастасия попыталась что-то сказать, но тщетно, губы намертво заклеены скотчем. Паника сдавила горло.

Она — Анастасия Шнайдер, которую всегда оберегали, холили и лелеяли, теперь была беспомощной игрушкой в руках этих людей.

Дни слились в тягучую, липкую массу. Они были наполнены голодом, холодом и унижением. Виктор звонил её отцу, Леша рычал и угрожал, Сергей молча наблюдал, иногда принося чёрствый хлеб и воду.

Каждое утро, когда Виктор говорил по телефону, Анастасия слушала отрывки их разговоров, понимая, что переговоры затягиваются, а терпение похитителей иссякает.

На пятый день Леша сорвался.

— Папочка тянет время! Он, наверное, думает, что мы блефуем! – заорал он, пнув ногой пустую бочку. - Может, нам показать ему, что мы серьёзно?

— Что ты хочешь сделать? - перепуганно спросил Сергей.

— Может быть отрежем её тоненький маникюрный палец? - хладнокровно произнёс Виктор.

Леша резко дёрнулся, глянул бешеным взглядом на де-

вушку и подошёл к ней, его глаза горели безумным огнём.

— Что, красавица? Хочешь, чтобы твой папочка получил сувенир?

Девушка быстро замотала головой, произнося нечленораздельные звуки.

— Думаю, что начнём с фото её прекрасного личика... Сейчас оно уже не будет таким прекрасным. - Что-то хищное блеснуло в глазах Леша.

Его кулак занёсся. И в этот миг что-то сломалось внутри Насти. Не просто страх, а что-то глубинное, древнее, дремавшее в ней с рождения, внезапно пробудилось. Волной чистой, испепеляющей ярости она ощутила, как по венам потекла ледяная река, а затем вспыхнула огнём.

Пластиковый хомут на её запястьях теперь казался ей просто ниткой. Девушка с лёгкостью порвала, путы только что крепко державшие её. Скотч на губах внезапно ослаб, и она рванула его.

— Не смей, – прошипела она, и собственный голос показался ей чужим – низким, скрежещущим, полным неестественной силы.

Леша замер, поражённый.

— Ты что-то сказала, сучка? - Он ухмыльнулся, но в его глазах появилось лёгкое замешательство.

Анастасия подняла на него взгляд. Её глаза, обычно серо-голубые, теперь казались чёрными провалами, из которых сочился неземной, пульсирующий свет. Помещение

вдруг замерло. Лампочки на потолке замигали, затем одна лопнула с сухим треском, погрузив угол комнаты в кромешную тьму.

— Ты не знаешь, с кем связался, — голос звучал уже не из её горла, а, казалось, отовсюду, отражаясь от стен, проникая в самые кости.

Леша попятился.

— Что за чертовщина?

Виктор, до этого спокойно наблюдавший, нахмурился.

— Леша, хватит играть. Приведи её в чувство.

Но Леша уже не слышал. Тени заплясали по стенам, принимая жуткие, невозможные формы. Заброшенные станки закрипели, словно в них вдохнули жизнь. Холод пронзил воздух, заставляя пар изо рта похитителей вырываться белыми облачками.

Сергей побледнел.

— Какого черта?! Виктор, что это?

Анастасия сосредоточилась на Леше. Он был первым. Источником её самого острого страха.

— Ты хотел боли? — прошептала она, и звук голоса, казалось, заполнил весь мир. - Получи.

Тело Леша задёргалось, словно пойманное в невидимые пути. Он начал задыхаться, хватая ртом воздух, но ничего не помогало. Его глаза выкатились из орбит, а лицо побагровело. Он упал на колени, пытаясь расцарапать себе горло, но его руки не слушались. Крик оборвался, когда нечто невиди-

мое сдавило его горло с такой силой, что послышался хруст. Леша рухнул на пол, его тело обмякло.

Наступила мёртвая тишина, прерываемая лишь прерывистым дыханием Сергея и Виктора.

— Как ты? Ты что наделала? – прошептал Сергей, его голос дрожал.

Анастасия медленно поднялась. Верёвки, ещё секунду назад крепко державшие её, теперь лежали разорванными клочьями на полу. Она подошла к Сергею.

— Ты был напуган. Ты не хотел этого.

Сергей отшатнулся, его глаза были полны ужаса.

— Нет, я... я не хотел...

— Но ты ничего не сделал, – её глаза сузились. - Порой бездействие хуже поступка.

Её ладонь вспыхнула едва заметным голубоватым светом. Сергей вскрикнул, когда его разум захлестнула волна панического ужаса. Он начал биться в конвульсиях, его глаза остекленели, уставившись в пустоту, где, казалось, плясали его худшие кошмары. Тело парня обмякло, но глаза оставались широко раскрытыми, застывшими в вечном ужасе.

Остался только Виктор. Он смотрел на неё, и его стальные глаза впервые были полны не просто удивления, а чистого, животного страха. Он достал пистолет.

— Держись от меня подальше, тварь! – прорычал он, направив оружие на Анастасию.

Девушка лишь усмехнулась. Это была не прежняя, робкая

усмешка, а хищный оскал.

— Тварь? Возможно. Но ты не справишься с этой тварью.

Она подняла руку, и воздух вокруг Виктора загудел, сгущаясь в нечто осязаемое. Металлические конструкции вокруг него заскрипели, стены задрожали. Пол под его ногами затрещал. Виктор выстрелил. Пуля пролетела сквозь Анастасию, словно сквозь призрак, и врезалась в стену позади неё, оставив лишь лёгкую дымку.

— Неужели ты думал, что обычная пуля остановит то, что

вы, придурки, пробудили? – её голос звучал как хор тысяч шёпотов.

Виктор попытался бежать, но его ноги словно приросли к полу. Помещение, казалось, сомкнулось вокруг него, а затем разошлось, оставив лишь мокрое пятно на полу, где мгновение назад стоял человек. Ни крови, ни костей, ни следов. Просто влажное, тёмное пятно.

Тишина была оглушительной, нарушаемой лишь собственным прерывистым дыханием Анастасии. Она стояла посреди разрушенного склада, окруженная останками своих похитителей, и чувствовала, как сила пульсирует в каждой клетке. Это было ужасно, но и невероятно опьяняюще.

Она медленно подошла к выходу, который теперь был открыт.

Рассвет. Утренний воздух был прохладным и чистым. Она не знала, как долго пробыла здесь, но солнце уже вставало.

Полиция прибыла на место происшествия через несколько часов, вызванная случайным прохожим, который нашёл девушку.

Они обнаружили лишь хаос, не поддающийся логическому объяснению. Разбитые лампочки, искореженный металл, странные влажные пятна на полу. Тела двух мужчин были найдены – один с переломанной шеей, другой – с пустыми, широко раскрытыми глазами, полными невыразимого ужаса. Третьего тела не было вовсе, лишь то самое странное

пятно. Никаких следов взлома снаружи, никаких отпечатков пальцев, кроме тех, что могли принадлежать погибшим. Дело быстро стало одним из самых загадочных и безнадёжных в истории отдела.

Анастасия вернулась домой. Её нашли в нескольких километрах от завода, идущей босиком по дороге, в шоке и с грязью на одежде.

Она ничего не помнила. Или так сказала.

Рассказала о том, как её похитили, как она очнулась, но не могла объяснить, как ей удалось сбежать, или что случилось с похитителями.

Её отец, убитый горем, был просто счастлив вернуть дочь. Но это только в присутствии камер и полиции.

Они вернулись домой.

– Папа...? Я... – голос Анастасии дрогнул.

Комната была обставленной с явной роскошью. Она сидела на краю кровати, закутавшись в одеяло, словно пытаясь спрятаться от всего, что произошло.

– Моя дорогая, – отец подошёл и присел рядом, его взгляд был полон какой-то странной, изучающей теплоты. – Как ты себя чувствуешь?

– Плохо, – честно ответила она. – Меня похитили, папа. Я... я боялась.

– Боялась, это естественно. Но скажи мне, Настя, ты что-нибудь почувствовала? Что-нибудь необычное?

Анастасия нахмурилась, пытаясь вспомнить. В голове

мелькали обрывки хаотичных воспоминаний: страх, отчаяние, затем что-то ещё. Что-то, словно вспышка яркого света, пронзившая тьму.

– Мне кажется... я знаю о чём ты говоришь, – пробормотала она, виновато опустив глаза. – Было ощущение... как будто я могла их уничтожить. И я...

Настя замолчала.

В глазах отца вспыхнул огонёк.

– Дар Шнайдеров, – тихо произнёс он. – Он пробуждается в моменты наивысшего стресса. Ты унаследовала его, моя дорогая.

– Какой дар? О чём ты говоришь?

– Это долгая история, Настя. Но суть в том, что наша семья обладает способностями. И твои только начали проявляться.

– Ты... ты знал? – в голосе Анастасии звучало недоверие. – Ты знал, что это может случиться?

– Знал. И, признаюсь, немного затянул переговоры. Мне нужно было, чтобы твой дар проявился. Ты превзошла все мои ожидания, девочка моя. Ты использовала его просто блестяще.

– Но зачем, папа? Зачем ты подверг меня опасности? – слёзы навернулись на глаза Анастасии.

Она чувствовала себя преданной, использованной, словно пешкой в чужой игре.

Отец вздохнул и взял её руку в свою. Его прикосновение

было тёплым, но в этот момент не приносило утешения.

– Я делал это ради тебя, Настя. Ради нашей семьи. Дар Шнайдеров – это огромное преимущество, но и огромная ответственность. Он может сделать тебя невероятно сильной, но может и уничтожить. Если не научиться им управлять.

– И ты решил, что лучший способ научиться – это похищение? – саркастически спросила Анастасия, отдергивая руку. – Спасибо, папочка, это был незабываемый опыт!

– Я не похищал тебя. Это совершенно не моя идея. Но я тянул с передачей денег. Я знал, что ты справишься.

Настя недоверчиво посмотрела на отца.

— Понимаю твой гнев, Настя, – спокойно ответил отец. – Поверь мне, это было необходимо. Теперь, когда твой дар проснулся, мы можем начать его тренировать. Мы можем научить тебя контролировать его. И тогда никто, слышишь, никто не сможет тебе навредить. Ты станешь сильнее, чем можешь себе представить. Ты станешь Шнайдер.

Он посмотрел на неё с такой уверенностью и гордостью, что на мгновение Анастасия заколебалась.

Может быть, он действительно хотел ей добра?

Может быть, всё это было частью какого-то большого плана, который она пока не понимала?

Но в глубине души она всё ещё чувствовала ту леденящую душу панику, тот страх, который испытала в плену.

Жизнь Анастасии постепенно вернулась в привычное русло. Она снова жила в пентхаусе, посещала светские меропр-

ятия, управляла частью семейного бизнеса. Но она больше не была прежней.

По ночам, когда город засыпал, она подходила к огромному панорамному окну в своей спальне. Девушка смотрела на мерцающие огни мегаполиса, чувствуя, как внутри неё пульсирует нечто, невидимое для других. Иногда, когда она злилась или была напугана, лампочки в комнате начинали мерцать, а предметы двигались сами по себе.

В зеркале она видела не прежнюю Настю, а нечто иное. Глаза, ещё недавно полные ужаса, теперь мерцали странным, древним огнём. Улыбка, которую она дарила людям, теперь была чуть более хищной и загадочной.

Она была свободна. Но теперь она знала, что часть, гораз-

до большей тёмной истории. И иногда, когда она смотрела на тех, кто пытался ею манипулировать, или тех, кто причинял боль другим, в её груди разгоралось знакомое, жгучее чувство. Чувство, которое обещало, что Виктор, Леша и Сергей были лишь первыми. И что мир ещё не знал, что за сила пробудилась в наследнице финансовой империи.

Как Турки ведьму выселяли

Лес был её домом, её библиотекой, личным спа-салонem

и, откровенно говоря, единственной причиной не прибить кого-нибудь палкой.

Ведьма Дарина жила в нём триста семьдесят три года, если быть точной, хотя паспорта у неё, конечно, не было. Да и зачем он, когда ты можешь превратить любую бюрократическую форму в стайку весело чирикающих воробьёв?

Её изба, уютно примостившаяся на мшистом пригорке, не была похожа на обычные лесные хижины. Брёвна, казалось, дышали в унисон с ветром, мох на крыше нежно мурлыкал по утрам, а чайник на печи кипятил не просто воду, а самые сокровенные мысли.

В один прекрасный, пахнувший росой и чабрецом, вторник, идиллия была нарушена. Нарушена она была не волком-оборотнем, не заблудившимся грибником и даже не назойливым лешим, а лакированными ботинками. Идеально отглаженными костюмами. И лицами, сияющими такой степенью уверенности в себе, что можно было бы вымостить ими Млечный Путь.

«Antolian Luxury Holdings», — гласил логотип на боку бронированного внедорожника, который нагло припарковался прямо у её порога, раздавив по пути особо ценный папоротник.

Из него вышли трое. Один – лысоватый, с портфелем, другой – высокий, с рацией, и третий – маленький, но с таким выражением лица, будто он лично изобрел понятие «недвижимость».

Это был мистер Алтан, исполнительный директор, а по совместительству – величайший Турецкий ценитель бетона и арматуры.

– Добрый день, гражданка! – начал лысый, разворачивая какую-то бумагу. – Мы из компании «Antolian Luxury Holdings». У нас для Вас весьма неприятные новости.

Дарина, прихлёбывая из кружки с дымящимся отваром из тумана и меланхолии, подняла бровь.

– Неужели? А я-то думала, вы приехали за рецептом моего малинового варенья. Оно, знаете ли, помогает от скуки и синдрома менеджера.

Мистер Алтан брезгливо поморщился.

– Мы здесь не за рецептами, бабушка. Этот участок земли, включая вашу... э-э... постройку, теперь принадлежат нам. Мы строим здесь элитный коттеджный поселок «Сосновый Рай». Для очень состоятельных людей.

Дарина медленно поставила кружку на пень.

– Сосновый Рай? Для состоятельных? Здесь? Где живут лоси, совы и я? Вы, кажется, перепутали лес с рекламным буклетом.

– Ничего мы не перепутали, – вмешался мистер Алтан, его голос был на полтона выше, чем голос его костюма. – У нас все документы. Разрешения. Выписки. Подписи. Мы предлагаем Вам... компенсацию. И переезд в более цивилизованное место. Например, в квартиру-студию в городе.

Дарина расхохоталась. Не злобно, а скорее с лёгкой, почти

отеческой, снисходительностью.

– Квартиру-студию? Для ведьмы, которая помнит, как здесь ещё мамонты бродили? Вы, юноши, явно недооцениваете масштаб проблемы.

Лысый протянул ей толстую папку с надписью
«УВЕДОМЛЕНИЕ О ВЫСЕЛЕНИИ».

Дарина взяла её, повертела в руках, и папка начала шестеть. Буквы на страницах заплясали, превращаясь в крошечные, ярко-зеленые листочки, которые улетели прочь, а сама папка обернулась в пушистый комок мха.

– Ой, – сказала Дарина, – кажется, у Вас документы зацвели. Бывает.

Мистер Алтан побледнел.

– Что это было?!

– Природа, – невозмутимо ответила Дарина. – Она не любит, когда её тревожат без веской причины. А коттеджный поселок, поверьте, совсем не она.

Это было только начало.

На следующий день прибыли бульдозеры. Они были огромны, рычали, как динозавры, и грозили стереть избу Дарины с лица земли. Рабочие, крепкие мужчины с решительными лицами, выгрузили оборудование.

– Ну что, бабка, – сказал один из них, сплюнув, – прощайся со своим домом.

Дарина сидела на крыльце, потягивая чай.

– Вы уверены, что хотите это делать? Этот бульдозер, он

ведь такой музыкальный.

И действительно. Как только первый бульдозер попытался сдвинуться, его двигатель издал странный, вибрирующий звук, а затем начал играть классическую музыку.

Громко.

Очень громко.

Сначала это была «Лунная соната» Бетховена, потом – «Реквием» Моцарта, а затем – что-то из оперы, кажется, ария Тоски.

Водитель бульдозера, ошарашенный, попытался заглушить двигатель, но тот лишь перешёл на более драматическую ноту. Остальные бульдозеры подхватили, и вскоре весь лес наполнился какофонией оперных арий, исполняемых тяжелой техникой. Рабочие, сначала растерянные, затем начали пританцовывать, а один, самый чувствительный, даже пустил слезу, заявив, что это так прекрасно, что он больше не сможет разрушать.

Мистер Алтан, наблюдавший за этим из своего внедорожника, сжал кулаки.

– Это саботаж! – прохрипел он в рацию. – Уберите эту чертову музыку!

Но музыка не убиралась. Она продолжала звучать, пока не затихла сама по себе, оставив после себя лишь глубокую тишину и несколько рабочих, которые вдруг решили поступить в консерваторию. Техника же отказалась работать вовсе, а вместо солярки из баков потекла родниковая вода, пахнувшая

малиной.

Мистер Алтан был в бешенстве. Он вызвал юристов. Не просто юристов, а целую команду высокооплачиваемых «акул пера», способных вытащить душу из камня.

Они прибыли, вооружённые десятками томов законов, судебной практики и, конечно же, очередным «Уведомлением о выселении», на этот раз в твёрдом переплёте.

– Мы представляем интересы «Antolian Luxury Holdings», – начала главная юристка, дама с причёской из бетона и голосом из стали. – Ваше проживание здесь незаконно. Мы готовы предоставить Вам альтернативное жильё и денежную компенсацию, но в случае отказа...

Дарина, которая в этот момент кормила белку орехами, повернулась к ним.

– Вы, кажется, забыли, что я здесь жила, когда ваш прапрапрадед ещё в пелёнках ползал. Какие законы могут быть выше законов леса?

Юристка усмехнулась.

– Законы Российской Федерации, гражданка. И они весьма суровы.

Дарина вздохнула.

– Ну хорошо. Давайте попробуем по-вашему. Только... можно я посмотрю Ваши ручки? Они у вас такие блестящие.

Она взяла одну из ручек юристки. Та мгновенно превратилась в пучок ароматных трав. Вторая ручка стала маленьким, очень злым ёжиком, который тут же укусил юриста за

палец. Третья – в золотую рыбку, которая радостно запрыгала по столу.

Юристы, ошарашенные, пытались записать что-то, но их блокноты превращались в бабочек, а ноутбуки – в кучи грибов. Сама юристка, пытаясь достать из портфеля новый бланк, обнаружила, что её портфель полон живых лягушек. Лягушки, к слову, были очень недовольны таким нахальным поведением.

Мистер Алтан, наблюдавший за этим из безопасного расстояния, осознал, что обычные методы не работают. Он решил прибегнуть к тяжелой артиллерии. Он нанял команду «паранормальных консультантов». Это были трое мужчин в чёрных костюмах, с очень серьёзными лицами и приборами, которые, по их словам, «измеряли аномальные энергетические поля».

– Мы обнаружили мощный источник аномальной энергии, – доложил главный консультант, указывая на избу Дарины. – Скорее всего, это остаточная психокинетическая активность, усиленная геомагнитными потоками. Мы можем это нейтрализовать.

Дарина, выглядывая из окна, лишь фыркнула.

– Психокинетическая активность? Это просто я, когда забываю, куда положила очки.

Консультанты расставили свои приборы: мигающие коробки, антенны, провода, которые светились зелёным. Они включили их. И тут же произошло нечто странное. Все приборы начали издавать звуки, которые были точь-в-точь, как звуки, издаваемые коровами на пастбище. Затем они замигали, затрещали и начали показывать мультфильмы.

Старые, советские мультфильмы.

«Ну, погоди!», «Крокодил Гена», «Ёжик в тумане».

Консультанты пытались их выключить, но приборы лишь увеличивали громкость, а их антенны начали ритмично подпрыгивать в такт мелодиям из мультфильмов. Один из приборов даже выдал голосом Волка: «Заяц, ну погоди!»

Мистер Алтан был на грани нервного срыва. Он потратил миллионы на эти попытки. Он пробовал предлагать Дарине деньги, угрожать, обещать золотые горы, даже пытался подкупить её, предложив построить для неё специальный ведьминский коттедж с видом на озеро.

– С видом на что?! – возмутилась Дарина. – На то самое озеро, которое вы собираетесь осушить для своих бассейнов? Нет уж, спасибо. Я предпочитаю свой вид на наглых индюков.

В отчаянии, мистер Алтан решил пойти на крайние меры. Он собрал всех своих рабочих, юристов, консультантов и даже уборщиков, вооружил их мегафонами и приказал им устроить «психологическую атаку».

– Кричите! – орал он, брызгая слюной. – Кричите, что она должна уйти! Кричите, что прогресс не остановить! Кричите, что коттеджи – это хорошо!

И они кричали.

Десятки людей, стоящих вокруг избы Дарины, скандировали: «Уходи! Уходи! Коттеджи! Коттеджи!»

Дарина, спокойно сидевшая на крыльце, слушала их. Она

вздохнула.

– Ну вот, – пробормотала она своему ворону, который сидел на её плече, – опять придется использовать «Золотую Тишину». А ведь я её берегу для особых случаев.

Она подняла руку. Не было ни вспышки, ни грома, ни даже лёгкого ветерка. Просто тишина.

Глубокая, всеобъемлющая, абсолютная тишина.

Она была настолько плотной, что казалось, её можно потрогать. Люди, которые только что орали во весь голос, вдруг не смогли издать ни звука. Они открывали рты, пытались кричать, но из их глоток не вылетало ничего. Ни шёпота, ни стоны, ни даже хрипа.

Они махали руками, пытались общаться, но их жесты были нелепыми и бессмысленными.

Мистер Алтан, который только что выдавал пламенную речь, вдруг обнаружил, что его голос исчез. Он запаниковал. Он пытался крикнуть, но лишь беззвучно открывал рот, как рыба на суше. Его глаза округлились от ужаса.

Дарина, с лёгкой улыбкой, кивнула.

– Вот так-то лучше. Иногда лучший способ донести мысль – это заставить людей заткнуться и подумать.

Тишина продолжалась целый час. Час, в течение которого все сотрудники «Antolian Luxury Holdings» пережили самый глубокий экзистенциальный кризис в своей жизни. Они осознали, насколько сильно зависят от звука, от возможности общаться, от шума города, который они так стремились

воспроизвести здесь. Они поняли, что без этого шума, без постоянного гула машин и голосов, они никто.

Когда час истёк, тишина исчезла так же внезапно, как и появилась. И первое, что сделал мистер Алтан, это закричал. Громко, пронзительно, как раненый зверь.

– Уходим! Все уходим! Немедленно!

Через десять минут вся территория была пуста. Ни внедорожников, ни бульдозеров, ни юристов, ни даже паранормальных консультантов. Лес вновь погрузился в свою обычную, умиротворяющую тишину, нарушаемую лишь пением птиц и шелестом листьев.

Дарина отпила чай.

– Ну вот, – сказала она ворону. – Кажется, они поняли. Некоторым людям нужно просто дать возможность подумать в тишине. А некоторым – убедиться, что их инвестиции в тишину не окупятся.

Ворон хмыкнул.

– И никакой квартиры-студии?

– Никакой, – улыбнулась Дарина. – Тем более наглые индюки ушли. И остался прекрасный вид на спокойствие.

Мир, казалось, сделал глубокий вдох и выдохнул запахом сосновой хвои и победы. Ведьма Дарина осталась в своём лесу. А «Antolian Luxury Holdings» так и не построили свой Сосновый Рай. Они построили его в другом месте, подальше от лесных чащ, где бульдозеры не поют оперные арии, а документы не превращаются в листья и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.